

DOI: 10.18522/2073-6606-2015-3-67-77

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ Т. МАЛЬТУСА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Г.Г. ПОПОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Московский технологический институт, г. Москва, Россия,
e-mail: grigorijpopov1977@yandex.ru;

В.А. ЩЕГОЛЕВСКИЙ,

кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия,
e-mail: va1125@mail.ru

В статье проводится эмпирический анализ соответствия идей неомальтузианцев историческим реалиям, которые в свое время послужили основой сделанного Т. Мальтусом анализа. Авторы рассматривают материалы по аграрной истории Российской империи и другие исторические примеры и делают выводы, что теория Мальтуса описывала частный случай Северной Америки. Теории Мальтуса и его последователей не в состоянии прояснить социально-экономические процессы в России XIX – начала XX века. Авторы доказывают, что демографическая история России носит уникальный и достаточно сложный характер. Центральную роль в изменениях доходов населения Российской империи авторы отводят фискальной политике государства. Именно фискальная политика, по их мнению, детерминировала процесс освоения аграрных территорий Российской империи. Роль государства в экономике Российской империи авторами однозначно оценивается как отрицательная, эта политика вела к сокращению доходов бедных и средних крестьянских семей на фоне неспособности города поглотить массы мигрантов из деревень. Экономическая политика С.Ю. Витте вела к росту социального расслоения в российском обществе. При этом крестьянские хозяйства Российской империи демонстрировали низкую эффективность, что было вызвано не демографическими причинами. Низкая эффективность крестьянского хозяйства стала следствием высокой налоговой нагрузки на русских крестьян, которая ограничивала их возможности и не давала мотивов к инвестициям. Одной из главных причин революции 1905 года авторы видят конфликт крестьянской экономики и экономической политики, получившей в исторической литературе название системы Витте.

Ключевые слова: учение Т. Мальтуса; неомальтузианство; население Российской империи; экономика Российской империи; законы народонаселения

DEMOGRAPHIC THEORY OF T. MALTHUS AND ECONOMIC HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

GRIGORY POPOV,

Candidate of Economics (PhD), Assistant Professor,
Moscow Technology Institute, Moscow, Russia,
e-mail: grigoriipopov1977@yandex.ru

VALENTIN SHCHEGOLEVSKY,

Candidate of Economics (PhD), Assistant Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,
e-mail: va1125@mail.ru

The article is devoted to the empirical analysis of the compliance of the ideas of neomalthusians concepts to a historical realities, which served as the basis of T. Malthus' analysis. The authors examine the materials of the agricultural history of the Russian Empire and other historical examples and express the consideration that the theory of Malthus describes a special case of the North America. The theories of Malthus and his followers are not able to clarify the socio-economic processes in Russia of XIX – beginning of XX centuries, the authors show that the demographic history of Russia is a unique and rather complex. The authors point out a fiscal policy of the state as a central role in the changes of incomes of the population of the Russian Empire. It is fiscal policy, in their opinion, determined the process of development of rural territories of the Russian Empire. The role of the state in the economy of the Russian Empire the authors unambiguously describe as negative this policy responded for the reduce of incomes of poor and middle peasant families on the background disability of the cities to adopt waves of migrants from the countryside. Economic policy of S. Y. Vitte provoked the growth of the social gap in the Russian society. By the way, Russian peasant households demonstrated a low efficiency, this was caused by no demographic factors. The low efficiency of peasant household was the result of a strong taxation for Russian farmers, this factored the limitation of possibilities and motives of peasants to invest in agriculture. The authors consider the conflict between peasantry's economy and economic policy named in the history the system of Vitte as one of the reason of the Revolution of 1905.

Keywords: theory of T. Malthus; neomalthusianism; the population of the Russian Empire; the Russian Empire; the demographic laws

JEL Classifications: B15, B25

Что нам надо от теории Мальтуса сегодня?

В недавно опубликованном отчете ООН (UN, 2009) с прогнозом динамики мирового населения на ближайшие несколько десятилетий говорится, что к 2050 году количество жителей планеты достигнет 9,1 млрд человек, при этом рост народонаселения будет проходить на фоне ухудшения ситуации на мировом рынке продовольствия. В этой связи идеи Томаса Мальтуса и его последователей приобретают новую актуальность. Эта высокая «современность» идей Мальтуса поразительна, несмотря на то, что они были сформулированы более 200 лет назад. Между тем, в современной науке при обсуждении влияния демографического фактора на развитие экономики большинство авторов по-прежнему, как и 200 лет назад, ссылаются – в позитивном или критиче-

ском тоне – на знаменитый «Опыт закона о народонаселении» английского экономиста. Можно в некотором смысле сказать, что Мальтус и теперь «живее всех живых», поскольку его идеи остаются в центре научной дискуссии (*Brown, etc. 1999; Charbit. 2009; Knudsen, 2006; Linner, 2004; Fernandez and Miller, 2013, Щеголевский, 2014*). Однако за пределами многих работ, посвященных теории Мальтуса и, так сказать, продолжающих их, остался без ответа такой важный, на наш взгляд, философский вопрос: не является ли регулирование численности населения, к чему призывал Т. Мальтус (правда, в сторону уменьшения численности популяции), пагубным? И не есть ли выведенный Т. Мальтусом закон народонаселения, в принципе, законом, описывающим то, как должна расти численность человеческой популяции в условиях длительного отсутствия внешних эффектов, например, фискальной политики государства? Отвечая на второй вопрос, мы ответим на первый.

Скажем, забегая вперед, что данная Т. Мальтусом характеристика социальной системы, которую он описывал, не учитывала государственных интересов, сложившихся в социуме обычаев и многого другого. Словом, от Т. Мальтуса нам сегодня нужна «путеводная нить» в изучении сложного общества, намного более сложного, чем представлял его сам Т. Мальтус и многие его последователи в своих работах. По сути, теория Т. Мальтуса говорит, как должно быть, а мы ищем ответ на вопрос, насколько общество уже в далеком прошлом отклонилось от того, как должно быть, и почему произошло это отклонение.

1. Теория Томаса Мальтуса в контексте демографии XVIII века

Как известно, Мальтус в своем «Опыте закона о народонаселении» в 1798 году обобщил факты о динамике мирового населения, обосновав логичное учение, названное позднее его именем – мальтузианством. Однако практически до конца прошлого века оставался невыясненным вопрос, какую методiku демографического анализа Т. Мальтус считал базисом своего учения? Дело в том, что в XVIII веке в английской научной литературе имел место весьма широкий интерес к демографии, и Т. Мальтус здесь не был оригинален (*Behar, 1987. P. 269*). Оригинальным был его вывод, будто население имеет тенденцию расти в геометрической прогрессии. Многие его современники считали совсем иначе.

В отличие от Т. Мальтуса, западные демографы XVIII века, опираясь на первые демографические таблицы, приходили к выводу, что численность населения Западной Европы является относительно стабильной, то есть растет незначительно, а в некоторые исторические периоды в некоторых странах демографического роста вообще не наблюдалось. Эту идею доказывал посредством расчетов знаменитый швейцарский математик Леонард Эйлер (*Euler, 1760*).

Таблица 1

Динамика численности населения ряда западных стран и Китая в XVIII веке, млн чел.

Год	Франция	Англия	Швеция	Китай
1700	18	5,9	1,6	150
1730	19	5,8	1,7	170
1750	20	6	1,9	200
1770	26	7	2	250
1790	27	9	2,3	320 (данные 1800 г.)

Составлено по: (*Шоню, 2005. С. 176*).

Надо учитывать, что в XVIII веке переписи населения велись небрежно, а их результаты часто были закрыты, являясь государственной тайной (*Шоню, 2005. С. 177*). Поэтому демографы в те времена прибегали к теоретическим подсчетам, опираясь на такие показатели, как среднее число детей на семейную пару и т.п. Это делало такие расчеты весьма гипотетическими. Но демографы пришли, в общем, к правильному выводу: Запад в тот период отнюдь не страдал от демографического давления, прирост населения был незначительным, а иногда в ряде стран почти нулевым. Реконструкции исторической демографии Европы и других регионов того времени, сделанные уже в XX столетии, подтверждают эти выводы (см. табл. 1).

Из данных, приведенных в табл. 1, следует, что население ряда стран Европы до середины XVIII века росло незначительно. Если бы мы взяли более длительный диапазон времени, то увидели бы, что население Франции даже сократилось к 1740 году, по сравнению с началом XVII века (*Шоню, 2005. С. 176*).

Л. Эйлер и другие ученые, интересовавшиеся демографией, приходили к выводу, что существует некий актуальный для всего человечества закон, который регулирует численность населения. Однако, что это за универсальный закон, регулирующий численность населения, и каковы принципы его работы, западные демографы не разъяснили.

Изначально Т. Мальтус заявлял, что «универсальный закон народонаселения» вовсе не «универсальный», но актуальный только для европейцев, которые имеют схожие культурные ценности (*Malthus, 1807. P. 306*). Здесь, как выяснилось позже, Т. Мальтус тоже не был оригинален: идея о вариативности демографических законов между регионами мира отстаивалась некоторыми авторами и до него (*Behar, 1987. P. 271*). Главное, что следует подчеркнуть, Т. Мальтус задумывался вовсе не о европейских демографических проблемах, а о демографии неевропейских обществ.

Как известно, все учение Т. Мальтуса базируется на одной важной гипотезе: рост численности населения опережает рост производительных сил в сельском хозяйстве, так как население растет в геометрической прогрессии, а производительные силы – лишь в арифметической. Первоначально Т. Мальтус выдвинул свое положение о росте народонаселения в геометрической прогрессии именно как гипотезу, полемизируя с диссертацией Дэвида Буфа, который доказывал, что естественный прирост населения как раз *не происходит* по принципу геометрической прогрессии (*Behar, 1987. P. 271*). Американский case-study, когда население выросло в 2 раза в эпоху борьбы Североамериканских колоний за независимость, Д. Буф рассматривал как вызванное иммиграцией отклонение от правила. Но Т. Мальтус вступил в дискуссию с Д. Буфом, доказывая, что население США было в состоянии удвоиться только за счет рождаемости. При этом Мальтус почему-то рассматривал североамериканские условия быта как идеальные для естественного роста населения (*Behar, 1987. P. 273*).

Теория Т. Мальтуса содержит четыре главных положения:

- 1) общество находится в состоянии равновесия только тогда, когда количество продуктов потребления соответствует численности населения;
- 2) цены на все товары определяются соотношением спроса и предложения;
- 3) скорость роста населения значительно больше, чем увеличение предметов потребления;
- 4) в обществе нужно создать экономико-демографическое равновесие, при котором уровень реальной заработной платы приведен в соответствие с прожиточным минимумом (*Мальтус, 2007*).

Однако затем Т. Мальтус ввел очень гипотетическое положение, в некоторой степени противоречащее четырем предыдущим: «когда возрастает смертность, воспроизводство населения незамедлительно возрастает» (*Malthus, 1807. Pp. 400–401*). По его мнению, это продиктовано ростом спроса на рынке труда, что, мол, провоцирует ранние браки. Таким образом, рынок, по Т. Мальтусу, выступает регулятором рождае-

мости. Согласно его теории получается, что рождаемость – это достаточно регулируемое явление, потому непонятно, откуда должен появиться дисбаланс между численностью населения и производством продуктов питания. Рождаемость, и это будет уже пятое положение теории Т. Мальтуса, есть средство для восполнения потерь рабочей силы, что укладывается в общую концепцию о стабильности численности населения Европы.

Один из предшественников Т. Мальтуса в изучении демографии, Д. Муррет, пришел к обратному выводу по поводу ранних браков как реакции общества на высокую смертность. Д. Муррет высказал мысль, что ранние браки обязательно должны сопровождаться ростом детской смертности, что в итоге не ведет к восполнению потерь от смертности в старших возрастах за счет повышения рождаемости (*Muret, 1766*). По Д. Муррету, отнюдь не рынок определяет численность населения, но законы естественного отбора. Из рассуждений Д. Муррета можно сделать вывод, что демографические потери, вызванные войнами, в принципе невозможны. Д. Муррет не дошел до заключения, что экономические возможности молодых семей ниже в силу более низкой квалификации и отсутствия опыта у молодых людей, нежели у пар средних возрастов, поэтому рост рождаемости за счет снижения планки возраста вступления в брак вовсе не ведет к тем демографическим последствиям, о которых писал полвека позднее Т. Мальтус.

Учение Т. Мальтуса его современниками отнюдь не воспринималось как «истина в последней инстанции». Современников волновала другая проблема – прекращение роста численности европейцев в результате высокой смертности. В этой связи известный в конце XVIII столетия демограф Р. Прайс предложил даже разрешить второй и третий брак (*Behar, 1987. P. 277*). Таким образом, учение Т. Мальтуса было слишком гипотетическим и противоречащим европейским реалиям своего времени. Как показал К. Бехар, это учение грешило даже грубейшими математическими ошибками (*Behar, 1987. P. 277*).

Как видим, концепция Томаса Мальтуса изначально страдала *очень серьезными* недостатками. Почему же тогда такая «мертворожденная» теория получила широкую популярность? Демографической концепции Мальтуса повезло в двух аспектах. С одной стороны, его учение было позитивно воспринято знаменитым Давидом Рикардо, что буквально вдохнуло в мальтузианство жизнь, обеспечив ему известность в научных кругах. С другой стороны, мальтузианство предлагало относительно простой ответ на сложные вопросы, а такие ответы любят политические лидеры. Действительно, концепция Мальтуса впоследствии стала рассматриваться некоторыми политиками, например знаменитым российским реформатором С.Ю. Витте, как ключ к пониманию социально-экономических проблем общества.

2. Российская империя vs Соединенные Штаты

Мы считаем, что Т. Мальтус хотя и предложил «ключ» к пониманию демографической истории, но «дверь» так и не открыл. Этого не смогли сделать и многие его последователи. Некоторые из них, как например С.А. Нефедов (*2010*), занимаются едва ли не подгонкой исторических фактов под неомальтузианские теории, часто не придавая большого значения тем фактам, которые этой теории противоречат¹.

¹ Приведем лишь один пример «подгонки», когда из нескольких оценок автор использует лишь ту, которая работает на его концепцию. При анализе демографической ситуации на рубеже XIX–XX веков С.А. Нефедов обращается к данным «Комиссии 1901 года», которая возглавлялась В.Н. Коковцевым, сподвижником С.Ю. Витте. Эта комиссия пришла к выводу, что 50 европейских губерний России страдали от перенаселения, насчитав при этом 23 миллиона «излишних рабочих», или 52% по отношению к наличному трудовому населению Европейской части России. Однако сам С.А. Нефедов ниже говорит о том, что историки-современники С.Ю. Витте оспаривали полученные «Комиссией 1901 года» выводы. Например, А.В. Островский подсчитал, что «излишними» были 27–35% населения Европейской России. Исследователь Л.И. Лубны-Герцек пришел к выводу, что в Европейской части империи не используется 28% рабочего времени сельского населения, из-за чего, собственно, и появились «лишние люди». П.Г. Рыздзюнский

Рассмотрим мальтузианский конфликт между ростом населения и ростом производства продуктов на примере Российской империи. Задачи анализа демографического роста в Российской империи облегчаются тем, что подавляющее большинство ее населения были крестьянами, а императорские власти в фискальных целях вели строгий учет крестьян мужского пола.

С конца XVII столетия население России росло быстро, но, если судить по переписям российских крестьян (рис. 1), скорее в арифметической прогрессии, чем в геометрической. Совсем иную картину представляют Североамериканские Соединенные Штаты, население которых в XIX веке действительно увеличивалось в геометрической прогрессии (см. рис. 2).

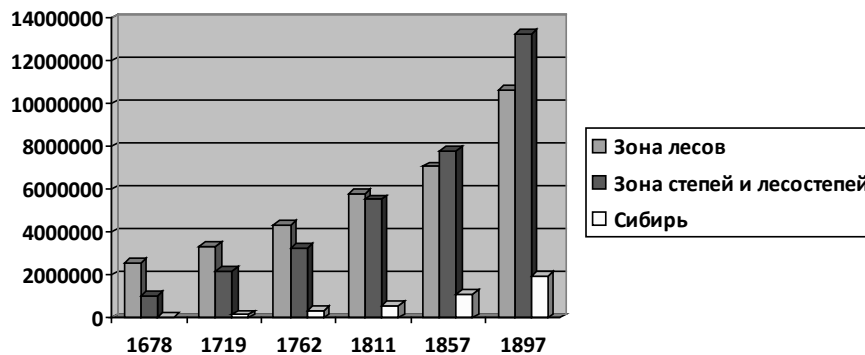

Рис. 1. Динамика численности мужского крестьянского населения (взрослые крестьяне) Российской империи
Источник: (Моор, 1997. Р. 863).

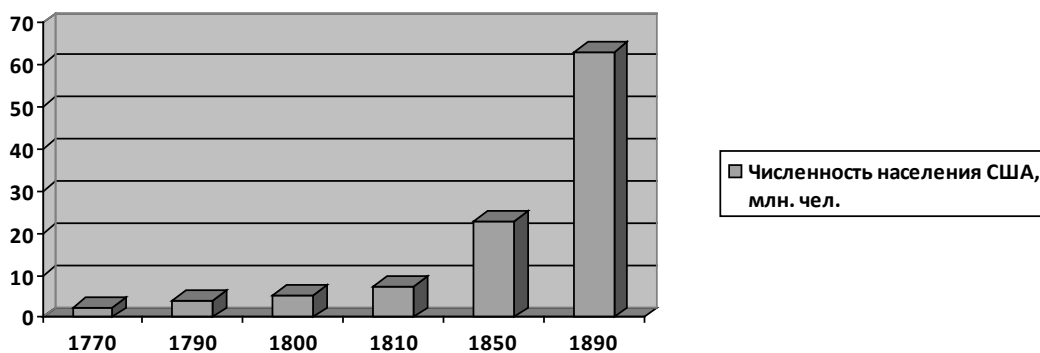

Рис. 2. Рост численности населения США
Составлено по: (TheUSAonline.com, undated).

Российскую империю и Соединенные Штаты объединяет то, что обе страны обладали в XIX веке огромными территориями, не освоенными аграрным населением. Почему же в таком случае население Америки росло, вполне по Мальтусу, в геометрической прогрессии, а население России, вопреки Мальтусу, скорее в арифметической?

определил, что «лишними» являются только 17% дворов в европейских губерниях империи (Нефедов, 2010. С. 423–424). Получается, как в «Жизни Клина Самгина», «а был ли мальчик, может, мальчика и не было?». Можно понять С.Ю. Витте и его единомышленников. Попытки ускоренной модернизации России в 1890-е годы дали достаточно быстро свои отрицательные плоды, возросло недовольство в рабочих слободах (рецессия середины 1890-х годов спровоцировала рост безработицы). Чтобы спасти свой политический курс, российские либералы обратились к мальтузианским сюжетам. По мнению экономиста той эпохи А.А. Кауфмана, кризис «перенаселения» был фактически результатом невысокой продуктивности русского крестьянского хозяйства, агротехнологии которого нуждались в улучшении, что, по расчетам Кауфмана, должно было занять десятилетия (Нефедов, 2010. С. 425).

Дело в том, что демография Америки была детерминирована колониационным характером заселения страны с самых первых лет ее существования. В Соединенные Штаты стремились люди со всего мира – и ирландцы, и итальянцы, и российские евреи, и даже китайцы. При этом абсолютно преобладали выходцы из тех стран Западной Европы, которые уже освоили эффективные фермерские методы хозяйствования.

В России же торможение роста населения связано с низкой мотивацией крестьянства к расширению вовлеченных в сельскохозяйственный оборот площадей, а также с устаревшими аграрными технологиями. Аграрная колонизация окраин империи мало решала эти проблемы, так как на новом месте русские крестьяне-переселенцы чаще всего сохраняли старые тенденции экономического поведения.

В 1861 году в европейской части России под пашней было только 20% земли, однако и этот не очень высокий процент был достигнут в основном за счет Черноземья. В 1877-м в центральных губерниях 27% земли было под пашней (Beyrau, 1995. P. 585), что вызвано ростом населения. Но увеличение пашни все равно не поспевало за ростом численности крестьян, хотя в 1870-х годах ситуация в этом аспекте еще не была столь драматична. К началу XX века ситуация ухудшилась: в 1905 году доля обрабатываемой земли в общем фонде упала до 17% в центральных губерниях, что вызвало беспокойство земств (Beyrau, 1995. P. 585), так как численность крестьянского населения выросла в 2 раза по сравнению с 1860-ми годами.

В Нечерноземье сокращение запашки было спровоцировано истощением земель, которое в свою очередь было вызвано старыми аграрными технологиями. Например, в Волоколамском уезде почти все крестьянские хозяйства применяли в 1890-х годах деревянную соху и трехпольную систему, и только благодаря активному вмешательству местного земства произошел переход крестьянской экономики уезда к 1905 году на многополье и металлический плуг (Schneer, 1994. P. 110).

Более сложным было положение крестьян в Черноземье. Например, в канун революции 1905 г. на каждую семью на Харьковщине приходилось в среднем 2,66 десятины, что было очень мало даже для Черноземья (Seregny, 1988. P. 54). Однако было это вызвано вовсе не ростом населения, который был выше, чем в остальной России, но ниже, чем в Северной Америке. Дело в том, что традиционные русские поместья дворян почти исчезли в зоне Черноземья уже к 1895 году, уступив место латифундиям магнатов-капиталистов. Новые землевладельцы не были заинтересованы в ренте, но стремились наращивать производство зерновых на экспорт. Это создало тяжелые условия жизни для крестьян, которые потеряли возможность арендовать землю и тем более ее покупать, поскольку торги осуществлялись часто по аукционному принципу. Крестьян Черноземья от пауперизации (по образцу английских крестьян XV–XVII веков) спасала община, в рамках которой регулярно происходили перераспределения земли между семьями в зависимости от числа детей в каждой семье. 78% земли в Харьковской губернии было в общинной собственности (Seregny, 1988. P. 54).

То, что проблемы русского крестьянина в конце XIX столетия были лишь в малой степени связаны с перераспределением части земель в пользу дворянства, подтверждается данными по Сибири и другим регионам, не знавшим поместного землевладения.

В 1859–1929 годах количество ферм в Калифорнии увеличилось в 8 раз (Rhode, 1995. P. 775). На каждую ферму приходилось в конце XIX века 475 акров земли (Rhode, 1995. P. 775), тогда как в российском Семиречье в начале XX века, судя по данным об объемах выделяемых на каждую семью колонистов земли, – только около 100 акров (Khan, 1996. P. 53). Это означает, что даже вольные колонисты при поддержке государства могли культивировать в среднем на каждую семью примерно в 4,5 раза меньше земли, чем семья американских фермеров в Калифорнии. При этом производительность вольных переселенцев на целинных землях Казахстана была много выше, чем в Енисейской губернии в XIX веке, где даже на старожила приходилось 36 акров, а в

Забайкальской губернии – на 40% меньше. Крохотные хозяйства ссыльных обычно вмещали площадь земли в 10 раз меньше, чем у старожилов (*Соловьёва, 1983*). Эти факты указывают на то, что возникавший периодически дефицит продовольствия в ряде губерний России был связан в XIX – начале XX века не столько с ростом населения, сколько с низкой продуктивностью русского крестьянского хозяйства. Даже на вновь осваиваемых свободных и пригодных под пашню землях восточных губерний русское крестьянское хозяйство продолжало оставаться менее эффективным, нежели к примеру, в США.

К 1905 году в собственности крестьян находилась большая часть земли (*Пушкарев, 1956. С. 350–356*), однако производительность сельского хозяйства была ниже, чем на Западе. Две основные причины данного явления – это высокие налоги и община, которая была необходима для выживания малоземельных крестьянских семей.

С.Ю. Витте повысил налоги, и после его отставки они продолжали расти: если в 1895 году ежегодные налоги составляли 10,4 руб. на душу населения, то в 1910-м – уже 17 руб. (*Мартынов, 2002. С. 134*). По некоторым оценкам, русский крестьянин в конце XIX века платил государству в форме налоговых отчислений до 35% своего дохода (*Мартынов, 2002. С. 127*). Таким образом, государство не стимулировало рост доходности крестьянского хозяйства, но налоговым бременем только снижало мотивацию русского крестьянина к хозяйствованию. То есть рост населения был далеко не главным фактором низкой (с точки зрения обеспечения продовольствием собственно населения) эффективности сельского хозяйства Российской империи.

3. Выводы: не-мальтузианская Россия, мальтузианская Америка

Пример Российской империи рубежа XIX–XX века частично опровергает положение Т. Мальтуса, будто бедным людям присуще безответственное сексуальное поведение, ведущее к неконтролируемому росту рождаемости. Планирование семьи в рабочей среде на самом деле имело место.

Было замечено, что в русских рабочих семьях детей обычно меньше, чем в крестьянских, хотя по культурным и религиозным традициям рабочий и крестьянин мало отличались до начала 1900-х годов. В этой связи есть любопытное дореволюционное исследование быта рабочих Костромской губернии в 1911–1915 годах. Согласно этому исследованию, на фабрике братьев Горбуновых в Нерехтском уезде 70% рабочих были женаты, но только 46,7% имели детей (*Пушкарева, 2011. С. 303*). Заработок в 6 руб. в месяц в Костромской губернии был тем порогом дохода рабочего, когда он мог позволить себе вступить в брак (*Пушкарева, 2011. С. 303*). Но это был очень низкий даже для Верхнего Поволжья заработок; у подавляющего большинства рабочих доход был выше. Однако многочисленность бездетных семей в рабочих слободах указывает, что рождаемость в русских рабочих семьях до революции все-таки подчинялась экономическим ограничениям, то есть бедняки далеко не всегда «плодились как кролики».

Высокая рождаемость среди русских крестьян объяснима таким фактором, как перераспределение земель в общине в зависимости от числа детей в семье. Эта практика привела к низкому уровню миграции русского населения в XIX столетии, которая могла быть и выше, учитывая огромную площадь страны и большое количество пустовавших земель в ее восточных губерниях.

Большое количество деторождений на одну русскую крестьянскую семью не приводило к значительному росту населения из-за сохранения высокой детской смертности. Поэтому, если сравнивать динамику демографического роста в Соединенных Штатах и в Российской империи, последняя заметно уступала. Америке. Согласно данным (см. рис. 1), население России даже не могло удвоиться в течение двух поколений. По мнению же большинства англичан-современников Мальтуса, русские вписывались в тот круг народов, которые следовали неевропейским культурным нормам.

Во многом именно тот слабый демографический рост, какой имел место в России на протяжении большей части XIX века, объясняет, почему практически не росла запашка после достижения своего максимума приблизительно в начале 1850-х. Пример центральной части Черноземья во второй половине XIX века является исключением, и малоземелье крестьян там было вызвано скупкой земель крупными капиталистическими хозяйствами, а не только ростом численности населения.

Исторический процесс Российской империи нельзя описать с позиций теории Мальтуса, поскольку мы не видим ничего общего с ее демографическим циклом: признаки кризиса в аграрном секторе наступают к 1890-м годам, что в общем-то достаточно поздно, и кризисные процессы в аграрной экономике были связаны далеко не только с демографией. Голод начала 1920-х связан уже с другими историческими процессами: Первая мировая и Гражданская войны, продразверстка и подавление крестьянских восстаний.

Модель Т. Мальтуса гораздо больше подходит для описания демографической ситуации в США XIX века, для чего она изначально и была предназначена. Если многие общества третьего мира проходят примерно тот же этап, что в своей истории прошла Россия в конце XIX – начале XX века, то им для решения демографических проблем следовало бы рекомендовать больше обращать внимание не на институты деторождения, а на институты рынка труда и подготовку трудовых кадров среднего звена, что было упущено правителями Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Мартынов С.Д. (2002). Государство и экономика: система Витте. СПб.: Наука.
- Нефедов С.А. (2010). История России. Факторный анализ, т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Изд. дом «Территория будущего».
- Пушкарева И.М. (ред.) (2011). Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя.
- Пушкарев С.Г. (1956). Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство им. Чехова.
- Соловьёва Е.И. (1983). Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, с. 214–226.
- Шоню П. (2005). Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория.
- Щеголевский В.А. (2014). Демографический рост на Ближнем Востоке и в Африке: в чем причина нестабильности? // Вестник Российского экономического университета им Г.В. Плеханова, № 1, с. 44–48.
- Behar C.L. (1987). Malthus and the Development of Demographic Analysis // *Population Studies*, vol. 41, no. 2, pp. 269–281.
- Beyrau D. (1995). Janus in Bastschuhen: Die Bauern in der Russischen Revolution 1905–1917 // *Geschichte und Gesellschaft*, 21, Jahrg., h. 4, Probleme der englischen Sozialgeschichte, s. 580–596. (In German.)
- Brown L., Halweil B. and Gardner G. (1999). Beyond Malthus: Nineteen Dimensions of the Population Challenge. N.Y.
- Charbit Y. (2009). Economic, Social and Demographic Thought in the XXI Century: the Population Debate from Malthus to Marx. N.Y: Springer.
- Euler L. (1760). 'Recherches generales sur la mortalite et la multiplication du genre humain', and 'Sur les rentes viageres', Histoire de l'Academie Royale des Sciences et des Belles Lettres. Berlin.
- Fernandez R. and Miller A.R. (2013). Comments and discussion // *Brookings papers on economic activity*, pp. 396–409.
- Khan H. (1996). Russian Expansionism in Central Asia and the Region's Response // *Pakistan Horizon*, vol. 49, no. 2, pp. 42–64.

- Knudsen L.* (2006). *Reproductive Rights in a Global Context: South Africa, Uganda, Peru, Denmark, United States, Vietnam, Jordan*. DC.: Vanderbilt University Press.
- Linner B.* (2004). *The Return of Malthus: Environmentalism and Post War Population-Resource Crises*. N.Y.: Hardcover.
- Malthus T.R.* (1807). *Essay on the population*, vol. i. L.
- Moon D.* (1997). Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897 // *The Historical Journal*, vol. 40, no. 4, pp. 852–867.
- Muret J.L.* (1766). *Memoire sur l'tat de la population dans le pays de Vaud; tables servant de pieces justilficatives pour le memoire sur la population du pays de Vaud (Yverdon)*.
- Rhode P.W.* (1995). Learning, Capital Accumulation, and the Transformation of California Agriculture // *The Journal of Economic History*, vol. 55, no. 4, pp. 773–800.
- Schneer M.* (1994). The Markovo Republic: A Peasant Community during Russia's First Revolution, 1905–1906 // *Slavic Review*, vol. 53, no. 1, pp. 104–109.
- Seregny S.J.A.* (1988). Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // *Slavic Review*, vol. 47, no. 1, pp. 46–62.
- TheUSAonline.com* (undated). People. Growth of U.S. Population (<http://www.theusaonline.com/people/growth.htm>).
- UN* (2009). UN: the forecast of the population of the earth by 2050 // *Etoday*, 12 марта (<http://www.etoday.ru>).
- United States Census Bureau* (www.census.gov).

REFERENCES

- Martynov S.D.* (2002). *The state and the economy: the system Witte*. Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russian.)
- Nefedov S.A.* (2010). *The history of Russia. The factor analysis*, vol. II. From the end of confusion until the February revolution. Moscow: Publishing house «The area of the future». (In Russian.)
- Pushkareva I.M.* (ed.) (2011). *Labour conflicts and the labour movement in Russia at the turn of XIX–XX centuries*. Saint-Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian.)
- Pushkarev S.* (1956). *Russia in the Nineteenth century (1801–1914)*. New York: Publishing house «Chekhov». (In Russian.)
- Solovieva E.I.* (1983). Resettlement and the situation of the exiles in Siberia in the second half of the XIX century. *The Political exiles in Siberia (XVIII – beginning of XX century)*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Department. (In Russian.)
- Shony P.* (2005). *The Classical civilization of Europe*. Ekaterinburg: «Factory U» Publ. (in Russian.)
- Schegolevsky V.A.* (2014). Demographic growth in the middle East and Africa: what is the cause of instability? *Bulletin of the Russian economic University after G.V. Plekhanov*, no. 1, pp. 44–48. (In Russian.)
- Behar C.L.* (1987). Malthus and the Development of Demographic Analysis. *Population Studies*, vol. 41, no. 2, pp. 269–281.
- Beyrau D.* (1995). Janus in Bastschuhen: Die Bauern in der Russischen Revolution 1905–1917. *Geschichte und Gesellschaft*, 21, Jahrg., h. 4, Probleme der englischen Sozialgeschichte, s. 580–596. (In German.)
- Brown L., Halweil B. and Gardner G.* (1999). *Beyond Malthus: Nineteen Dimensions of the Population Challenge*. N.Y.
- Charbit Y.* (2009). *Economic, Social and Demographic Thought in the XXI Century: the Population Debate from Malthus to Marx*. N.Y: Springer.
- Euler L.* (1760). 'Recherches generales sur la mortalite et la multiplication du genre humain', and 'Sur les rentes viageres', *Histoire de l'Academie Royale des Sciences et des Belles Lettres*. Berlin.

Fernandez R. and Miller A.R. (2013). Comments and discussion. *Brookings papers on economic activity*, pp. 396–409.

Khan H. (1996). Russian Expansionism in Central Asia and the Region's Response. *Pakistan Horizon*, vol. 49, no. 2, pp. 42–64.

Knudsen L. (2006). Reproductive Rights in a Global Context: South Africa, Uganda, Peru, Denmark, United States, Vietnam, Jordan. DC.: Vanderbilt University Press.

Linner B. (2004). The Return of Malthus: Environmentalism and Post War Population-Resource Crises. N.Y.: Hardcover.

Malthus T.R. (1807). Essay on the population, vol. i. L.

Moon D. (1997). Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550–1897. *The Historical Journal*, vol. 40, no. 4, pp. 852–867.

Muret J.L. (1766). Memoire sur l'état de la population dans le pays de Vaud; tables servant de pieces justificatives pour le memoire sur la population du pays de Vaud (Yverdon).

Rhode P.W. (1995). Learning, Capital Accumulation, and the Transformation of California Agriculture. *The Journal of Economic History*, vol. 55, no. 4, pp. 773–800.

Schneer M. (1994). The Markovo Republic: A Peasant Community during Russia's First Revolution, 1905–1906. *Slavic Review*, vol. 53, no. 1, pp. 104–109.

Seregny S.J.A. (1988). Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905. *Slavic Review*, vol. 47, no. 1, pp. 46–62.

TheUSAonline.com (undated). People. Growth of U.S. Population (<http://www.theusaonline.com/people/growth.htm>).

UN (2009). UN: the forecast of the population of the earth by 2050. *Etoday*, 12 марта (<http://www.etoday.ru>).